

В. Г. Белинский

**Кузьма Петрович Мирошев.
Русская быль времен
Екатерины II**

Виссарион Белинский

**Кузьма Петрович Мирошев.
Русская быль времен Екатерины II**

«Public Domain»

1842

Белинский В. Г.

Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1842

«...Вальтер Скотт не изобрел, не выдумал романа, но открыл его, точно так же, как Колумб не изобрел и не выдумал Америки, а только открыл ее. Сервантес задолго до Вальтера Скотта написал истинный исторический роман. Правда, он явно имел сатирическую цель – осмеять запоздалое и противное духу времени рыцарствование в мечтах и дурных романах, – и этой целью великий человек заплатил дань своему веку; но творческий, художественный элемент его духа был так силен, что победил рассудочное направление, и Сервантес, стремясь к нравоисправительной цели, достиг совсем другой цели – именно художественной, а через нее и нравоисправительной...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

Кузьма Петрович Мирошев.

Русская быль времен Екатерины II

Сочинение М. Н. Загоскина. Четыре части. Москва. 1842.

Г-н Загоскин пишет очень мало, но, сравнительно с другими, он у нас самый плодовитый романист. В десять лет с лишком – вот уже шестой роман, да в промежутках повестей с пяток:¹ по-нашему, по-русски, это много, очень много. Сам г. Булгарин написал всего-навсе только пять романов² и уж больше – можно поручиться – не напишет ни одного: так ему посчастливилось в этом деле. Важный факт в истории русского романа, потому что в ней г. Булгарин играет гораздо большую и важнейшую роль, нежели как думают и враги и почитатели его несравненного таланта! Так как мы принадлежим к числу последних, то есть почитателей, то и почитаем долгом объяснить значение г. Булгарина в плачевной истории русского романа, – тем более что без этого мы никак не в состоянии сделать настоящей оценки последнему роману г. Загоскина.

Все русские романы можно разделить на два разряда. Первый разряд их начался «Бурсаком» и «Двумя Иванами» Нарезного³, а кончился тремя попытками даровитого И. И. Лажечникова – «Последним Новиком», «Ледяным домом» и «Басурманом». Здесь не место сравнивать между собою таланты обоих романистов; довольно сказать, что это таланты яркие, замечательные и что ничего общего, никакой исторической связи между ними нет. Нарезный явился слишком рано, не издавал ни журнала, ни газеты, где бы мог ежедневно хвалить самого себя⁴, – и прошел незамеченным, остался без подражателей. Романы Лажечникова были, напротив, оценены публикою по достоинству⁵, без всяких на этот счет стараний с его стороны или со стороны его друзей, издающих газеты и журналы. Романы Лажечникова были фактами эстетического и нравственного образования русского общества и навсегда будут достойны почетного упоминания в истории русской литературы. К этому же разряду надо причислить и «Юрия Милославского» г. Загоскина; но о нем речь после.

Второй разряд романов ведет свое начало издалека.

У нас образовался особый род романа, который сперва назывался *нравоописательным*, *нравственно-сатирическим*, а теперь уж никак не называется, хотя бы и должен был называться *моральным*. Блистательный талант г. Булгарина был творцом этого рода романов; не менее блистательный талант г. Загоскина был его утвердителем и распространителем. Господа Зотов и Воскресенский принадлежат к числу самых счастливых и даровитых подражателей этих двух сочинителей. Проницательный читатель и без нас угадает имена прочих многочис-

¹ Первым романом М. Н. Загоскина был «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), за ним следовали: «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830), «Аскольдова могила» (1833), «Искуситель» (1838) и «Тоска по родине» (1839). В 1837 г. вышел сборник повестей Загоскина («Вечер на Хопре», «Три жениха», «Кузьма Рощин»); во втором томе «Старых русских литераторов» (1841) была напечатана повесть «Официальный обед» (см. рецензию на это издание – наст. т., с. 64–93).

² После «Ивана Выжигина» (1829) Ф. В. Булгарин написал следующие романы: «Дмитрий Самозванец» (1830), «Петр Иванович Выжигин» (1831), «Мазепа» (1834), «Записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (1835).

³ Впоследствии, в 1855 г., Н. А. Добролюбов также связывал возникновение романа в России с именем В. Т. Нарезного (см. его статью «О русском историческом романе». – Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1. М.-Л., «Художественная литература», 1961, с. 97).

⁴ Намек на Ф. В. Булгарина.

⁵ Из рецензий на «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого» (1831–1833) см., например: «Московский телеграф», 1833, № 10 (Н. А. Полевой?), «Северная пчела», 1833, № 1315 (О. М. Сомов); о «Ледяном доме» (1835–1838) писал в «Библиотеке для чтения» (1835, т. XII, отд. V) О. И. Сенковский; оценку этого романа Белинским см. в «Литературных мечтаниях» (наст. изд., т. 1, с. 119–120)

ленных романистов этой категории. Но, сверх морально-сатирического романа, есть еще два разряда романов, которые, впрочем, составляют один разряд с ним. Мы говорим о романе *восторженном, патетическом*, живописующем растрепанные волосы, всклоченные чувства и кипящие страсти. Основателем этого рода романа был даровитый Марлинский, у которого есть тоже свои счастливые подражатели⁶. Третий род романа – *идеально-сентиментальный*: его начал г. Полевой своими сладенькими повестями, он же и кончил его в переслащенном романе своем «Аббадонна»;⁷ – подражателей у г. Полевого не имеется.

Все эти три рода романа образуют собою один разряд. Рассмотрим его.

До Вальтера Скотта не было истинного романа. Великое творение Сервантеса «Дон Кихот» составляло исключение из общего правила, а знаменитый «Жиль Блаз де Сантилана» француза Лесажа прославлен не в меру и не по достоинству. Это не больше, как довольно недурное произведение, которое, однако, было бы лучше, если б не было так растянуто или если б его сократить наполовину, то есть из восьми частей сделать только четыре. Романы восемнадцатого века: Радклиф, Дюкре-Дюмениля, Жанлис, Коттен, Шписа, Клаурена и других, – только до Вальтера Скотта могли считаться романами: они изображали не общество, не людей, не действительность, а призраки больного или праздного воображения. Знаменитые английские Памелы, Клариссы, Грандисоны и Ловеласы⁸ держались ближе общества и действительности; но дидактическая цель убила в них поэзию. Вальтер Скотт первый показал, чем должен быть роман. До него думали, что песня – быль, а сказка – ложь, как говорит русская поговорка, и что поэтому чем больше нелепиц в романе, тем он лучше. Желая придать ему какую-нибудь цену в глазах людей *солидных* и *рассудительных*, навязали ему полезную цель – исправлять нравы, осмеивая порок и хваля добродетель. Таким образом, роману было приказано быть органом ходячих моральных истин своего времени. Да, *своего времени*, ибо ходячая мораль так же изменчива, как и курс голландского червонца: в прошлом веке мораль предписывала бедному и незначительному человеку иметь патрона-благодетеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущенным к его столу или к его ручке: теперь все это считается унижением человеческого достоинства. Итак, что теперь называется *подличаньем*, тогда называлось *уменьем жить*; что теперь называется *подлостью*, тогда называлось *скромностью* и *смирением*: что теперь называется *благородством души*, тогда называлось *гордостью*, она же есть *смертный грех*... Таким образом, сочинители давали человеческие имена и фамилии своим жалким, а нередко и подленьким моральным понятиям, выдавая свое резонерство за «нравственность», да еще «чистейшую», а свою картофельную сентиментальность – за «любовь». Эти ограниченные понятия и сладенькие чувствованья означались номерами на особых ярлычках, а ярлычки наклеивались на лбах безобразных фигур, грубо вырезанных из картонной бумаги: весьма остроумно придуманное удобство для читателя романа! Благодаря ему читатель уже не мог запутаться во множестве имен и одинаковых фигур, потому что на лбу каждой читал: «добродетельный № 1», «злодей № 2» и т. д. Тогда все были или добродетельные, или злодеи; не было необходимейших и многочисленных членов общества – глупцов и бесцветных характеров, которые ни добры, ни злы, и т. п. Роман всегда оканчивался благополучно, и зевающий читатель оставлял книгу не прежде, как после расправы, то есть брака гонимой четы, награды добрым и наказания злым. Все говорили одинаким языком; о колорите местности, различии сословий никто и не спрашивал.

⁶ О подражаниях Марлинскому см., например, рецензию на повесть Н. Мышицкого «Сицкий, капитан фрегата» – наст. изд., т. 3, с. 448–451.

⁷ Рецензию на 2-е издание «Аббадонны» см.: наст. изд., т. 3, с. 490–494.

⁸ Памела – героиня романа С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), Кларисса и Ловлас – герои его романа «Кларисса Гарлоу, или История молодой девушки» (1747–1748), Грандисон – герой его романа «Английские письма, или История сэра Чарльза Грандисона» (1754).

Мы не без умысла распространились о старинном романе и высказали о нем читателю истины, несколько уже старые и давно всем известные: нам это было нужно для того, чтоб показать, как новейший роман некоторых знаменитых сочинителей далеко ушел от романа доброго старого времени, чем от него разнится и чем на него похож. «Но ведь вы обещали нам разобрать новый роман г. Загоскина, а говорите о романах, которые были за сто и дальше лет до г. Загоскина?» – Я о нем-то и говорю, как увидите ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.